

Черно-белый квадрат Боба Уилсона

Показанный в рамках осеннего фестиваля 1933 года, спектакль Боба Уилсона «Орландо» был возобновлен в мае этого года в театре «Одеон»

Изабель Юппер
в роли Орландо
в постановке
Боба Уилсона.

Черный силуэт лестницы на белом пространстве отсылал воображение к «ритмическим пространствам» А.Аппиа, а Изабель Юппер в костюме с фрезой принца елизаветинской эпохи — к «сверхмарионетке» Г.Крэга. Короче, спектакль Боба Уилсона, действительно отсылая нас к эпохе, названной «fin de siècle», напоминал о том, что мы опять переживаем конец века.

«Орландо» — спектакль-гипноз, спектакль-загадка, на разгадку не претендующий. Фантастический роман Вирджинии Вульф, датированный 1927 годом, рассказывает историю Орландо, свободно пересекающего пространство и время четырех столетий, неизменно сохраняющего при этом молодость. Юный английский лорд, поэт и баловень судьбы, приближенный и облаканный стареющей королевой Елизаветой, — в 16-м веке, возлюбленный московской княжны, племянницы русского посланника, — в 17-м веке. Потом — спасающийся от «обманной любви» английский посол в Константинополе, в одно прекрасное утро просыпающийся... женщиной. После чего Орландо будет несколько десятилетий скитаться с цыганами по Анатолии и вернуться в Англию в 18-м веке уже как леди Орландо. Потом выйдет замуж и успеет ужаснуться ханжеству викторианской эпохи и окажется поэтессой в 20-м веке, впитав в себя, по собственному признанию писательницы, черты реальной Виты Саквелл-Вест, с которой у Вирджинии Вульф мучительный и долгий роман. Впрочем, Боба Уилсона ни в коей мере не интересуют ни исторические перипетии, ни биографические мучения Вирджинии Вульф. Его «Орландо» — рафинированная игра, чисто эстетическое наслаждение для глаз и слуха, неподвластное эмоциям. Из тем присутствует лишь одна — тема одиночества, с осознания которого начинается путь Орландо. «Я одинок», — говорит он вначале, чтобы констатировать в конце, три столетия спустя: «Но я — один (одна)».

Объектом игры становится всё: звук, свет, пространство, само тело актера. Пространство в спектакле Боба Уилсона создается, лепится на наших глазах освещением — из линий, объемов, света. Игра геометрических линий, вертикалей и горизонталей, серия черных, белых и синих квадратов, в которые вписываются партитуры движений, звуков, цветов (тонкие цветовые сочетания костюмов Орландо). Но если пространство решается скорее абстрактно, то редкие аксессуары возникают как образы сюрреалистические: ствол огромного дуба, как бы соткавшийся из воздуха и зависший в пустом пространстве; мертвая рыба в руке у леди Орландо; запрокинутый, без головы, манекен на черном кринолине, кото-

рый будет обнимать Изабель Юппер (в память об ушедшем веке? подружке?); большие крылья, спускающиеся с колосников и застывающие где-то посреди сценического пространства, точь-в-точь чтобы Орландо войти в них — как в шаль облачиться...

Орландо Изабель Юппер — не мужчина и не женщина — оба одновременно, но ничего от трагедии. Орландо — поэтический фантом. Персонажа, характера, того, что можно было бы назвать личностью Орландо, — нет, есть сюита состояний мира и души. И тела актера тоже, кажется, не существует, Изабель Юппер — это жест и голос, подобно актеру традиционного китайского и японского театра. Модуляции голоса, то усиленного микрофоном, искусственного, с протяжными гласными, то заглушенного, естественного, чередуются, как короткие и длинные реплики в театре «Но». И когда голос затихает (а в скороговорке слов почти не разобрать), остается только интонация и ритм, чередование ритмов, отзывающееся в звуковом пространстве вселенной сцены, где, помимо музыки Ганса Петера Кина, звучит тишина и взрывающие ее шумовые эффекты. Долгий звук разбиваемого стекла, барабаны или нечто вроде постукивания деревянных костяшек словно дают ощущение протяженности, тягучести времени.

И если голос Изабель Юппер следует партитуре музыкальной, то жест — партитуре хореографической. Все детали движений, жестов подчинены точно выверенному рисунку, темпу. Ритм и линия значат больше, чем смысл. В черно-белом пространстве, очерченном светом, тонкий силуэт Орландо, почти все время в профиль, кажется не то фигурой театра теней, не то частью египетского барельефа. Лишенные эмоций, отрешенные, очищенные движения Изабель Юппер сродни медитации японского актера. Голосом и жестом актриса рисует в пространстве некие метафизические фигуры, вписывающиеся в черно-белые квадраты Боба Уилсона с совершенством, граничащим с магией. Кажется, в искусстве Изабель Юппер преодолено наконец противоречие между поэтическим образом и материальностью актерского существования на сцене.

«Орландо» Боба Уилсона видится как европейская вариация на тему японского «Но»: виртуозно воспроизведя внешнюю технику ритуала, режиссер как бы отбросил «легенду», священную смысловую основу древнего действия, оставив лишь форму как таковую, предельно эстетизировав ее. Впрочем, так же, как представления театра «Но», спектакль Боба Уилсона остается зрелищем не для широкой публики.

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Париж